

— Я никуда не пойду! — воскликнула Надя, дрожа всем телом. — Не трогайте меня!

Перед глазами — знакомая до самой тонкой веночки, до каждой заусеницы рука, широкая в размахе и щедрая в ударе... Невдалеке, залитая вином, с куском недоеденного омара на пышной груди лежит Валентина: подол алого платья задрался, обнажив мраморную ногу, на лодыжке и на носке золотой туфли бесформенной кляксой виднеется что-то белое и густое с темными вкраплениями — соус, наверное. Вокруг белая посуда, зелень и помидоры с розами...

Надя отпрянула вглубь машины, а за ней, как кобра, потянулась широкая цепкая рука.

— Выходите! — рыкнул полицейский.

Она хочет забиться еще дальше, рукой опереться о сиденье — и вскрикивает от боли в запястьях, окольцованных наручниками. За спиной распахивается дверь, еще одна «кобра» проникает в салон, хватает Надю за локоть и тащит вон из машины. На тротуаре ей дают постоять, пока она обретает условное, с дрожью в коленях, равновесие, и снова тащат, надавив на болевую точку на сгибе локтя, — руку от ключицы до мизинца пронизывает острая боль. Не в состоянии ни слово вымолвить, ни вдохнуть, она горбится и покорно семенит к массивным дверям отделения полиции.

— Где моя сумка? — Она поворачивается к машине.

— Вот... — Полицейский машет перед ее носом бирюзовой сумкой-мешком.

Когда он открывает дверь, ее любимая сумка бьется о дубовую филенку и Надя кривится — ей больно это видеть. В вестибюле полицейский отпускает локоть, и еще долго она не может пошевелить не только пальцами, но и всей рукой, висящей плетью и перехваченной внизу наручниками. Дрожь уже

немного унялась, агрессия утихла, оставив ощущение пустоты, голова раскалывается.

— На оформление протокола, — говорит полицейский дежурному, сидящему за большим стеклом, толкает белую дверь и пропускает Надю вперед.

— Куда вы меня ведете? — спрашивает она, спотыкаясь о ступени коротенькой лестницы и испуганно шаря глазами по стенам, обшитым глянцевым пластиком.

— На оформление протокола задержания, — отвечает полицейский и тянет ее вправо, в длинный коридор.

— Мне нужно в туалет...

— Нужно — значит, нужно. — Он ускоряет шаг. — Туалет там, — он показывает сумкой на незаметную белую дверь справа. — Руки!

Она сводит кисти, и полицейский снимает наручники.

— Не задерживайтесь.

Потирая то запястья, то локоть, Надя забегает в кабинку. Выйдя из нее, она (смешно, конечно, но инстинкт не поборешь) бросается к окну, открывает — а за ним неоштукатуренная кирпичная стена с вентилятором в крошечной дырке вверху. Она закрывает окно, долго моет руки. Настойчивый стук в дверь. Надя выходит.

— Пожалуйста, не трогайте... тут, — говорит она полицейскому, кончиками пальцев едва касаясь болевой точки на сгибе локтя.

Ее уже не трусит, но в животе, внизу, что-то все еще мелко подрагивает.

Он кивает:

— Хорошо.

Она сводит кисти рук.

— Не надо, теперь нам в четырнадцатый кабинет. Ведите себя тихо.

На улице еще светло, а в комнате с высокими потолками, белыми стенами и матовыми стеклами в большом окне с решеткой из массивных прутьев, отбрасывающей широкие серые тени на стекле, белым холодным светом операционной горит

трехрожковая люстра. И тут Надя во второй раз буквально кожей ощущает, что попала в западню, ею же подстроенную, а стекла и прутья навсегда встали между ней и всем миром. Это не со мной, сейчас я проснусь, это какое-то глупое наваждение, думает она, стоя в дверном проеме и испуганно хлопая глазами.

— Входите, — полицейский толкает ее в бок.

Она переступает порог, снова останавливается, съезживается...

— Наливайко, ты здесь? — спрашивает полицейский.

За широким шкафом из темно-вишневой древесно-стружечной плиты шелестят бумаги и мужской голос с бархатной хрипотцой отвечает:

— Здесь я, здесь, подожди.

Лязгает массивная дверца сейфа, три щелчка — сейф закрыли, и в холодном свете обозначается светлая кудрявая шевелюра. Ее обладатель, совершенно не соответствующий голосу, — молоденький, невысокого роста, щуплый — выходит на середину комнаты и здоровается.

— Здравствуйте, — сдавленно говорит Надя.

— Драка в ресторане, нанесение телесных повреждений, — бубнит сопровождающий, протягивая блондину бумаги в файле, — причинение материального ущерба ресторану.

Еще в ресторане, сидя у стены в окружении полицейских, она, дрожа, наблюдала, как сдержанные официанты что-то говорят, поглядывая на нее, а полицейский записывает, записывает... Боря что-то говорит, Гриша тоже. На нее они не смотрят. Приехала скорая. Валентину пронесли мимо нее на носилках, за ней пошел Боря. Надя вскочила со стула, ее тут же схватили за плечи, остановили. Борис размахнулся... Искры из глаз, маленькие такие, яркие... Они погасли так же быстро, как вспыхнули.

Надя потирает лоб, силясь еще что-то вспомнить... Нет, что было потом, она не помнит, только как из машины вела.

— Потерпевшие поехали на экспертизу, — продолжает «ее» полицейский.

— На экспертизу? — переспрашивает она, сглотнув.

— Да, на экспертизу.

В Наде одновременно что-то сдувается, лопается, ломается, скисает и умирает. Все, что она может, — это расплакаться.

— Давайте без истерик. — Полицейский протестующе вскидывает руку, она повисает в воздухе, Надя снова видит «кобру» и застывает, глядя на широкую ладонь с линией жизни, уходящей далеко в запястье. Другой рукой он вынимает из кармана телефон и протягивает блондину.

— Это ее, — он кивает на Надю. — Все, я уехал.

Он окидывает Надю взглядом-упреком — так обычно родитель смотрит на нерадивое дитя, которое надо оставить на попечение воспитателя, — и направляется к двери.

— Хорошего вечера, товарищ старший сержант. — Блондин улыбается, а когда за сержантом захлопывается дверь, вынимает бумаги из файла, быстро пробегает глазами и выходит из-за стола. — Рудько Надежда Александровна...

— Да.

— Лейтенант Зосима Наливайко... Пожалуйста, выложите сюда содержимое карманов и сумки. — Он показывает рукой на белый столик, на котором уже лежит сумка Нади.

Рядом с сумкой Наливайко кладет ее телефон. Дверь открывается, входит коренастый полицейский с дубинкой на поясе. Ничего не сказав, он опускается на один из стульев справа от двери.

— Пожалуйста, содержимое карманов и сумки на стол, — повторяет Наливайко, — нам необходимо составить опись ваших вещей.

— Зачем? — удивленно лепечет Надя.

— Такой порядок. После освобождения вам все вернут.

— После освобождения? Я что, останусь здесь? — Волосы на ее голове шевелятся, и она испуганно смотрит на полицейского у двери.

— Да.

— Зачем?

— Затем, что вы совершили преступление, — терпеливо отвечает он.

— Но... но это же, это... — она улыбается жалкой просящей улыбкой, — я же только стол перевернула...

— Экспертиза покажет, что вы сделали.

— Да, покажет, — произносит она, печально усмехаясь, и ее лицо застывает, будто она обращает взор внутрь себя.

— Экспертиза необходима для правильной квалификации совершенного вами преступления. Я понимаю, у вас шок, но прошу сосредоточиться. Пожалуйста, выложите все из сумки и карманов на стол.

— А если экспертиза ничего не даст? — спрашивает Надя, вспомнив мраморную ногу Валентины и туфлю, залитую соусом.

— Не важно, на вас еще ресторан висит.

— Послушайте, это какое-то недоразумение, — она подается вперед, — я не могу у вас оставаться.

— Гражданка Рудько, соберитесь с мыслями. — В глазах, окаймленных светлыми пушистыми ресницами, сверкают лед и нетерпение. — Вас доставили в полицию по факту нанесения телесных повреждений, а также причинения ресторану «Синдбад» материального ущерба, — заученно талдычит лейтенант.

— Но я же никого не убила, не зарезала, — Надя молитвенно складывает руки, — честное слово, я не знала, что так получится. Давайте я подпишу все, что скажете, и поеду домой. Если надо, приеду завтра утром. Рано-рано. Обещаю. Запишите номер моего мобильного... ноль пятьдесят... двести...

— Замолчите! — рявкает лейтенант, и она осекается на полуслове. — Перестаньте молоть чепуху и выкладывайте на стол содержимое карманов и сумки!

От его тона и взгляда из головы Нади за секунду выветриваются все иллюзии, и она быстро опустошает любимую бирюзовую сумку из кожзаменителя, старую, потертую, местами искусно и почти незаметно зашитую. Она раскладывает на столе ключи от квартиры, кошелек, жвачку, помаду, зеркальце, зонтик, пакетик с бумажными салфетками, монеты, проездной на метро и шариковую ручку.

— В моих карманах ничего нет. — Для наглядности она хлопает по карманам жакета и джинсов.